

Виктор Мальков

**Россия и мировое социально-экономическое развитие,
1914–1918 гг.: пространство времени в воспоминаниях,
дневниках и письмах**

*Россия – страна всех возможностей, сказал кто-то.
И страна всех невозможностей, прибавлю я.¹*

Зинаида Гиппиус

Эрик Хобсбаум – «последний сталинист», как дружески-шутливо называл его американский историк Артур Шлезингер-мл., в своей книге «Эпоха крайностей», говоря о «коротком XX веке» (1914–1991), писал о том, что Великая война и ее последствия (и среди них в качестве ключевого события – Октябрьская революция 1917 г. в России) дали толчок экономической и социальной трансформации, полностью изменившей лицо человеческой цивилизации.² «Позолоченный XIX век» для одних, по словам Хобсбаума, растворился без остатка в ностальгических воспоминаниях: «попробуй забудь про камин, в нем погасли огни». Для других, как писал «ранний» Томас Манн, он становился объектом «наглого пренебрежения»³, поскольку по их представлениям он разоружил и обезвил человечество перед лицом грядущих испытаний, усыпив его бдительность в отношении скрытых мотивов сил разрушения, коренившихся в изъянах человеческого духа, погрязшего в самодовольстве и филистерстве. Третья, мечтая о «царстве свободы» в государстве-утопии, рассуждали в терминах теории империализма, по их мнению, раскрывающей все глубинные причинно-следственные связи в процессе назревания гигантского конфликта интересов и раскола мира на враждебные блоки.

В форме рабочих идеологем и военных доктрин распространялись планы возвращения одних стран за счет других, вытеснения конкурентов с сырьевых рынков и торговых плацдармов, захвата стратегически важных территорий и позиций на суше и на морях, идеологической и культурной экспансии. В «тепличных» условиях притворно романтического мирного времени подспудно накапливались идеи реваншизма и национального превосходства. Но реальные социальные и правовые достижения ведущих «передовых» держав на всю глубину общественных структур и договорных отношений становились тем не менее знаком эпохи, общим для

¹ Гиппиус З. Н. Дневники: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 22

² Hobsbawm E. The Age of Extremes: A History of the World, 1914–1991. New York, 1994. P. 5–6.

³ Манн Т. Письма / С. К. Апт (сост.). М., 1975. С. 25.

всех. Реформы коснулись государственного устройства и органов местного самоуправления (включая полицию и судебную систему), фабрично-заводского законодательства, систем социального страхования, демократизации общеобразовательной школы и вузовского обучения, коррекции земельных отношений и содействия крестьянским кооперативам, поощрения свободомыслия, партийных перегруппировок с выходом на авансцену оппозиционных левых партий, избирательных прав, гендерных отношений и т.д. Межконфессиональные и межэтнические отношения оставались напряженными, все привилегии сохранялись за титульной нацией, но и то и другое контролировалось правительствами, где больше, а где меньше законодательно закрепляющих права нацименьшинств. Нельзя не сказать и о внедрении систем финансового регулирования и даже об экспериментах с занятостью, системой вспоможествования и пенсионного обеспечения.

Европа и Северная Америка обустраивались, приобретая вполне респектабельный, привлекательный вид. Этим процессам сопутствовал не только рост грамотности населения, но и сдача экзамена на зрелость имущими классами, показавшими себя заинтересованными в распространении научного знания и не только. В полном соответствии с изменением архетипа национального патриота проходило движение от гуманности через национальность к зверству (как писал Франц Грильпарцер⁴). Культ науки прямым путем вел к модернизации вооружений, флотов и армий, что становилось в духе времени первейшим показателем культурности и благополучия наций, их успешности в целом. Реально, как это ни парадоксально, на этой модернизации до поры до времени держался баланс сил в мире, эффективность дипломатии и устойчивость режимов. Складывался механизм манипулирования массовым сознанием, его милитаризации и привычки к ранжированию народов по расовому принципу.

Возник феномен, который можно было бы (с оговорками) обозначить понятием *пространства времени*, охватывающего синхронно проходившие в различных странах и примерно одноплановые для западного и опосредованно восточного мира трансформационные процессы, закрепляющие достижения гражданского общества и развития личности благодаря расширению коммуникационных связей, туризма, динамично повышающейся потребительской способности масс и тяги к просвещению и обмену знаниями, а также пока только первых признаков стирания различий между сословиями и классами, богатыми и бедными. В этих более или менее последовательно осуществляемых преобразованиях отчетливо угадывались контуры нового мира. Быть его провозвестником открыто претендовали США с их «Американской мечтой». Хобсбаум пишет, что «Человечество [в целом – В. М.] находилось в ожидании альтернативы».⁵ Оно пыталось заглянуть в будущее с тем, чтобы узнать, каким это будущее будет.

То же «ожидание альтернативы» пронизывало и русскую интеллигентскую среду. Однако в политике оно оставалось слабо выраженным. Гиппиус в предисловии (1920 г.) к своим знаменитым «Дневникам» писала, что продвижение новых

⁴ Franz Grillparzer. Sämtliche Werke. Ausgewählte Briefe, Gespräche, Berichte. Hrsg. von Peter Frank und Karl Pörnbacher. München 1960, Bd. I, S. 500.

⁵ Hobsbawm E. The Age of Extremes. P. 55.

идей в живую российскую действительность было делом призрачным. «Партия конституционно-демократическая (кадетская) единственno значительная либеральная русская партия в сущности не имеет под собой никакой почвы. Она держалась европейских методов в условиях, ничего общего с европейскими не имеющих».⁶ В России, по образному выражению той же Гиппиус, «притайно-молчащей самодер-жавной»⁷ дать выход волеизъявлению масс и придать ему рационально-правовой характер оказалось невозможным.

Цепкость традиционного уклада вопреки революционизирующими тенденциям эпохи перехода к индустриализму оказалась сильнее самых влиятельных веяний в пользу модернизации. В своем письме к той же Гиппиус в разгар столыпинского правления 18 июня 1907 г. другой русский литератор Валерий Брюсов в немногих ярких словах охарактеризовал символ времени, переживаемого Россией: «Слева бомбы, и грабёж, бессмысленный и пьяный, справа – штыки и виселицы, дикие и грубые, в центре усы Головина [председатель 1-ой Государственной Думы – В. М.] и кадетский радикализм „Перевала“⁸. Нет путей – ни влево, ни вправо, ни вперед – разве назад!»⁹ Длительность застигшего страну безвременя никто предсказать не мог. Впереди ждало убийство Петра Столыпина, Ленский расстрел, Григорий Распутин и распуск 4-ой Государственной Думы весной 1917 г. и, наконец, как писал Герберт Уэллс, «колossalный непоправимый крах»⁹.

Между тем из истории стран Запада можно привести немало ярких примеров целенаправленной практической работы по устраниению препятствий для обновления государственного устройства и межклассовых отношений в конце XIX – начале XX века. Один из наиболее заметных – Германия.

Теобальд фон Бетман-Гольвег, с 1909 по июль 1917 г. находясь на посту главы имперского правительства Германии, последовательно проводит свою политику «диагонали», что означало рекалибровку капитализма путем дозированного включения социал-демократии в государственные структуры и создание коалиции общественных сил – от левых до правых. Во внутренней политике он широко использовал достижения леволиберальной общественной мысли (Луи Брентано, Адольф Вагнер, Макс Вебер), выводя необходимость внутренних реформ не только из общих правовых принципов и норм, но и из пресловутых национальных интересов имперской политики. Он делал, как тогда говорили, «левую политику правой рукой». Укреплением парламентаризма, предупредительностью в отношении рабочего движения, внедрением идей социального партнерства во многом Германия обязана длительному пребыванию Бетман-Гольвега на посту канцлера. Только в годы войны, констатируют немецкие исследователи, выросло отчуждение между рабочими и работодателями, которые стали восприниматься в обществе не как представители «национального производящего капитала», а как «промышленные магнаты». Вот тогда-то «народная общность» затрещала по швам. Но это случилось уже в 1918 г., до этого «диагональ» Бетман-Гольвега сделала ее вполне реальным фактом вплоть

⁶ Гиппиус З. Н. Дневники. С. 5.

⁷ Там же. С. 3.

⁸ Брюсов В.Я. Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 698.

⁹ Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 10.

до поражения в войне. Но она же привела к переменам и в системе управления хозяйственной жизнью.¹⁰

Здесь не место углубляться в ситуацию с изменениями в процессе реформаторской деятельности лево-либералов и прогрессистов в США в конце XIX – начале XX в. в период президентства Уильяма Маккинли, Теодора Рузвельта, Уильяма Тафта и Вудро Вильсона или либералов в Англии, давших историю таких ярких реформаторов как Герберт Асквит и Ллойд Джордж. Скажем только, что «Прогрессивной эра» буквально переформировала демократию в Америке за счет усиления представительства среднего класса в органах власти, влияния прессы, появления организованного движения рабочих, афроамериканцев, женщин, фермеров. Война замедлила этот процесс, даже отбросила его назад, но институциональные изменения, касающиеся, например, избирательных прав, судебной системы, трудового законодательства, финансового регулирования оставались фактически неизменными. Аналогичные примеры можно было бы привести в связи с гражданским и политическим развитием десятка других стран, включая Англию, Францию, Бельгию и Японию.

По контрасту с этим стандартом модернизации Россия, пройдя (скажем словами Василия Ключевского) через полосу недобросовестно исполненных «великих реформ»¹¹ Александра II и контреформ, связанных с именем его сына Александра III, не смогла вписаться в мировой прилив реформаторства, задуманного с прицелом на будущее, непосредственно предшествовавшего 1914 г. и захватившего частично войну, особенно в области экономики. Для нее переход к социально-экономическому директорству был затруднен многими причинами, в том числе культурной отсталостью, массовой безграмотностью, сопротивлением владельцев зарождавшейся тяжелой индустрии и доморощенных «юнкеров», которые принять этот путь, как признавал Виктор Чернов, оказались не способны.¹² *Догоняющий* тип развития был сохранен и в кризисный момент истории 1914–1918 гг., в очередной раз подтвердив неизменность традиционному мышлению, т.е. упованию на авось и фаталистическому безволию. «Россия, – писал Василий Ключевский еще в 1898 г., – на краю пропасти. Каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопросы, что делать? Ответа нет».¹³

Прошло еще 10 лет, а ответ так и не был найден. Продолжался процесс насаждения «хаоса государственного разложения», если воспользоваться словами известного правоведа и политика Василия Маклакова, сказанными им во 2-ой Государственной Думе в 1907 г. в ходе дебатов по поводу военно-полевых судов.¹⁴ Характерно, что Столыпин поставил себе в заслугу «заговаривание» этого ключевого вопроса в Думе. В письме Николаю II от 4 марта он написал: «Нам удалось свести вопрос

¹⁰ Драбкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967. С. 12–15; Залевский М. Немецкое общество и начало Первой мировой войны // Война и общество в XX веке / О. А. Ржешевский (сост.). Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. С. 412.

¹¹ Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 386.

¹² Чернов В. М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 332–333.

¹³ Ключевский В.О. Афоризмы. С. 61.

¹⁴ Маклаков В. А. Вторая Государственная Дума: Воспоминания современника: 20 февраля – 2 июня 1907 г. М., 2006. С. 140.

[о военно-полевых судах – В. М.] на нет».¹⁵ Он знал, чем понравиться царю, но так и не сумел стать его фаворитом.

Между тем от здравомыслия самодержца, от скорости операционного мышления его окружения зависело очень многое. Однако препятствий на «конституционной дороге», которую начертал Столыпин, будучи председателем Совета министров, оказалось слишком много, да и он сам, по словам современника, к переменам скоро «остыл».¹⁶ Следует признать вместе с тем, что все было значительно глубже и сложнее, нежели архаизм государственного мышления последних Романовых или усталость кучки мыслящих советников, тактические ошибки, нерешительность, проволочки думских партий, передавших Временному правительству в марте 1917 г. страну, как выразился эсер и его видный член Чернов, «полную вопиющих неудовлетворенных потребностей»¹⁷.

Буквально накануне войны, в дни июльского кризиса 1914 г. страна переживала глубокий психологический стресс и отсутствие ясного целеполагания, о которых сегодня почему-то не принято говорить, как будто бы все наладилось и вошло в полосу благоденствия благодаря подъему экономики и урожаям. «Не могу ни в чем разобраться, ничего не понимаю, ошеломление», – писала 1 августа 1914 г. (по старому стилю) Гиппиус. – Повсюду беспорядки, волнения».¹⁸ Одни говорили об «органическом» начале революции против самодержавия, другие – о солидарности с ним на волне патриотического подъема. Однако четкое представление о том, что делать, отсутствовало и пришло много позднее, уже в разгаре военных поражений на фронтах Великой войны, открывших тягостные раздумья и хождение по мукам. Одним словом правящая верхушка России и думская оппозиция оказались в состоянии духовного ступора, уповая на чудо, отвергая саму возможность революционных перемен и сосредоточившись на агитации за полную победу, на критике пороков дворцовой знати и одиозных фигур в окружении царя.

Падение самодержавия пришло как бы само собой, однако думская оппозиция, едва прия в себя, не нашла сил, чтобы осмыслить произошедшее и сосредоточиться на главных, неотложных задачах. Очень ярко и убедительно об этой пустоте интеллигентской элиты России даже в дни роковые для страны сказано в дневниковой записи от 28 декабря 1915 г. французского посла Мориса Палеолога. Вот она: «За те почти два года, что я живу в Петрограде, одна черта поражала меня чаще всего при разговорах с политическими деятелями, с военными, со светскими людьми, с должностными лицами, журналистами, промышленниками, финансиста-

¹⁵ Там же. С. 143.

¹⁶ Там же. С. 153.

¹⁷ Чернов В.М. Перед бурей. С. 389.

¹⁸ Гиппиус З. Н. Дневники. С. 28. Уже в эмиграции в своих воспоминаниях о революции 1917 г. Александр Керенский задним числом обнаружил рациональное видение неотложных первоочередных задач. В духе комплимента самому себе он писал: «Я провел весну и лето 1914 года в разъездах по разным районам России в компании политических единомышленников, организуя и группируя общественные и политические силы, предвидя скорое общее выступление всех организаций и партий – буржуазных, либеральных, пролетарских, крестьянских – против царизма, за демократический парламентский режим» (Керенский А. Ф. Русская революция 1917. М., 2005. С. 77).

ми, профессорами: это неопределенный, подвижной, бессодержательный характер их возврений и проектов. В них всегда какой-нибудь недостаток равновесия или цельности; расчеты приблизительны, построения смутны и неопределены. Сколько несчастий и ошибочных расчетов в этой войне объясняется тем, что русские видят действительность только сквозь дымку мечтательности и не имеют точного представления ни о пространстве, ни о времени».¹⁹

В мемуарах Чернова говорится, с чего следовало бы после падения самодержавия начать в России «перебелять начисто» черновик истории: с решения аграрного и рабочего вопросов. Но как сочетать его со строительством новой власти и одновременно сохранить Россию в войне – никто не знал. Создание подобия «нового земельного режима», изменение на «европейский манер» положения трудящихся в городах оказалось не по плечу политическому классу России, одушевленному одной мечтой – оставаться в строю с союзниками и воевать «до победы». Чернов усматривал в пропасти, отделяющей российских магнатов промышленности от рабочих, в их упрямом отказе от уступок в стиле ллойд-джорджизма прямой предвестник гражданской войны, «которой никакими заклятиями никто остановить был бы не в силах»²⁰.

Охотнорядская психология российских денежных мешков (за некоторым исключением) не позволяла следовать примеру западных либералов от большого бизнеса, в нужный момент способных мимикрировать в чадолюбивых пастырей промышленных империй. Известный писатель и публицист Михаил Арцыбашев, после революции игравший в эмиграции очень заметную роль, писал, что она (революция) «могла быть предотвращена или по крайней мере надолго отсрочена», если бы не отказ Николая II принять решительные меры в социально-экономической области и его нежелание иметь дело ни с Думой, ни с печатью, ни с Церковью. «Он этого не сделал, – писал Арцыбашев, – с одной стороны, не идя ни на какие уступки, а с другой – теряя оппозиционную Думу и печать, почти революционную».²¹

Мы уже говорили, что накануне войны Россия оказалась в фазе высокого экономического подъема, но неимущим слоям населения страны права участвовать в результатах этого подъема дано не было. Распределение благ и привилегий их не коснулось. Сам Николай II вопреки всем правилам рисовал положение своих подданных летом 1914 г. в самых мрачных и, пожалуй, можно сказать самокритичных тонах. Это редкое признание мы находим на страницах воспоминаний московского генерал-губернатора, шефа жандармов и приближенного к царю Владимира Джунковского.²² «Бездарный царизм» (Уэллс) в годы войны усугубил страдания тех, кто воевал и тех, кто оставался в тылу.

Постепенно уже в годы войны медленно нараставший после затишья летом и осенью 1914 г. конфликт в общественном мнении России, не хотевшего вслед за Николаем II «тихого и безмолвного жития», содействовал складыванию предпосылок

¹⁹ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 234.

²⁰ Чернов В.М. Перед бурей. С. 326–329.

²¹ Арцыбашев М.Н. Заметки писателя // Литература русского зарубежья / В. В. Лавров (сост.) Т. 2: 1926–1930. М., 1991. С. 451.

²² Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 282–283.

реального осуществления повестки дня близкой к европейскому образцу и целям, ставшими обыденными (таким, например, как 8-ми часовой рабочий день) для стандартов нового цивилизованного мира XX в. Ликование по поводу начала «короткого XX века» после залпов августовских пушек 1914 г. должно было бы напомнить дворцам о тех, кто призван был, с энтузиазмом приняв на себя миссию защитников отечества, занять в конечном итоге отведенное им историей положение не просто подданных его величества, а полноправных граждан России.²³

Но, как оказалось, только революция (каким бы кратким этот период, прерванный Термидором, ни был) открыла клапан, перекрывающий доступ низам к законотворчеству и социальному лифту, долго недоступному в силу ограничений в правах на равенство возможностей, узурпированного верхушкой общества, всеми силами цепляющейся за сословные различия и религиозно-автократические методы управления страной.²⁴ Разумеется, процесс этот не был безболезненным и гладким. Представляется целесообразным в этой связи процитировать здесь фрагмент из книги воспоминаний Георгия Гинса – участника и свидетеля событий, занимавшего должность главного юрисконсультта Министерства продовольствия Временного правительства, а затем в январе 1918 г. занявшего высокие посты в Омском правительстве адмирала Александра Колчака: «Революция, уничтожившая сразу все социальные перегородки: дворянство, национальные ограничения, чины, последовательность прохождения должностей – открыла свободный путь к власти и общественному влиянию самим простым людям. Эта перспектива блестящей карьеры, в таком масштабе ставшая возможной только при большевистском режиме, кружит голову и опьяняет молодежь, быстро достигающую самого высокого положения не только благодаря талантам, но и в награду за неразборчивость средств и просто преданность власти. Так создается новая аристократия, накапливающая богатство всеми путями, жадная и безжалостная».²⁵

²³ Кризис монархии в России – особая, большая тема. Скажем только, что неспособность правительства Николая II адаптировать хозяйственное положение в стране к экономическим условиям усилило настроения в пользу ограничения самодержавной власти и в пользу подчиненности министров Государственной думе. Бывший министр юстиции Иван Щегловитый в своем качестве председателя Совещания монархистов в столице высказался весьма откровенно: «В монархии монархистов только небольшая кучка» (цит. по: Кирьянов Ю.Н. Правые партии в России (1905–1917 гг.): причины кризиса и краха // Россия XXI. 1999. № 2. С. 171). О запущенности всех государственных дел в годы войны предельно ясно сказано в воспоминаниях Владимира Коковцева, до января 1914 г. работавшего на посту председателя совета министров. «Не хочется вспоминать [однако Коковцеву, как видим, пришлось это сделать – В. М.] и всего того, что произошло в делах внутреннего управления, того развала власти, который мне пришлось наблюдать. Об этом так много написано, столько появилось личных воспоминаний, частью правдивых, частью окрашенных предвзятыстью, настолько все это блекнет теперь перед последствиями катастрофы, сгубившей Россию, что не хочется вносить и мою личную оценку в рассказ о том, что пережито и предумано, чего не изменишь и с чем никогда не примирись» (Коковцев В.Н. Из моего прошлого 1903–1919. Минск, 2004. С. 776).

²⁴ См. Тютюкин С.В. Россия: от Великой войны – к великой революции // Война и общество в XX веке. Кн. 1 / С.В. Листиков (отв. ред.). М., 2008. С. 122.

²⁵ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак: Поворотный момент русской истории: 1918–1920: Впечатления и мысли члена Омского Правительства. М., 2013. С. 506. Книга воспоминаний

Характерно, что объясняя желание русского офицерства оставаться в «большевизме» (термин, придуманный Гинсом) и служить в Красной Армии, Гинс говорит об его враждебном отношении к союзникам, которые «казались многим не друзьями, а врагами России», и тяготении к Германии как к стране «обиженной и способной на более искренний и тесный союз с Россией».²⁶ Совершенно не случайно в знаменитых «Очерках русской смуты» Антона Деникина возникает и нелицеприятный отзыв о французской политике и особое отношение к представлениям «французских государственных людей» о русской политике, которая «мыслилась только в свете прогерманских или профранцузских аспираций».²⁷

Мотивации большевиков и левых эсеров как главных могильщиков наследия царизма и побудителей рывка из отсталости к уровню ушедшей далеко вперед Европы посвящает центральную главу своей книги Хобсбаум (глава 2. Мировая революция). Радикализм экономических лозунгов и внеисторической утопичности большевиков вырастал из стихии антивоенного бунта и фетишизации идеи управляемости обществом и прежде всего экономикой, коллективной волей и разумом.²⁸ К истории и теории вопроса прямое отношение имели и рассуждения Питирима Сорокина, высказанные им задолго до Хобсбаума и других левых интеллектуалов в брошюре 1923 г. «Современное состояние России»²⁹, где он говорил об этатизации-коммунизации (или огосударствлении) как прямом и неизбежном следствии войны, голода и разрухи. Вообще процесс огосударствления, вынужденной централизации и перехода к регулируемой экономике принимал в воюющих странах широко распространенный характер. И ярче и полнее всего он проявил себя в Германии, в кайзеровском «военном социализме». Большевистские же новаторы, не страдавшие властебоязнью, с их максимализмом, как считал тот же Сорокин, лишь «гениально примазались» к историческому процессу, придав ему сумасшедшее ускорение. И даже оказавшись в конце концов главным объектом критики слева и справа за движение к «всероссийской коммуне» они на удивление всему миру продемонстрировали осуществимость последовательно социалистических преобразований, хотя (возвращаюсь снова к выводу Сорокина) все эти преобразования были, в сущности, продолжением «принудительной» этатизации в годы войны.³⁰

Георгия Гинса написана по свежим впечатлениям пережитого в 1920 г. и впервые издана в 1921 г. в Харбине.

²⁶ Там же. С. 499.

²⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России: Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Минск, 2004, С. 28.

²⁸ Тютюкин С.В. Меньшевизм: Страницы истории. М., 2002. С. 414.

²⁹ Сорокин П. Современное состояние России. Прага, 1923; см. также Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. С. 595–596.

³⁰ Питирим Сорокин был беспощадным критиком большевизма и Советской России. Его слово ценилось и пользовалось большим влиянием, хотя оно и вызывало возражение многих хорошо знакомых с большевистским экспериментом русских интеллектуалов его же класса. Они отмечали, что Сорокином осталась незамеченной главная черта революции – «колossalная встряска масс», которая, по убеждению Петра Кропоткина, в конечном итоге способна была, вынуждив Россию из сна, пробудить в ней витальную силу, необходимую для начала масштабной реконструкции.

Воспетый большевиками культ силы (если не считать нюансов) был присущ России и Германии, Англии и США, большевикам и меньшевикам, вильсонистам и республиканским оппозиционерам в Конгрессе США, членам Пангерманского союза и Христианско-социальной партии Адольфа Штеккера в Германии.³¹ В защиту идеи создания механизма, регулирующего всю хозяйственную жизнь, насилиственно насаждающего дисциплину и порядок на фронте и в тылу выступил в июле 1917 г. Ираклий Церетели, вождь меньшевиков. Просто гимном репрессиям, «которые, — говорил он, — мы считали похороненными навсегда» стала его речь на пленарном заседании ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов. «Мерами репрессий и даже применением смертной казни, — говорил он, — должны мы спасать страну и революцию и наносить удары очень близко от демократических организаций революции».³² Тем не менее это не мешало Церетели и другим в традициях всегдашнего российского раскола обвинять большевиков в экстремизме и терроризме, в нереалистичности и пустозвонстве.

Однако пространство времени, очерченное завершающей фазой Великой войны и ее прямыми последствиями, вместило самые благоприятные условия для приближения «светлого будущего» в реальном и мифологизированном виде. На первом плане и сегодня остаются масштабы работы большевиков по ликвидации (скажем словами Чернова) «вопиющих неудовлетворенных потребностей» страны после Октября 1917 г. Основательно подзабытый классик мировой историографии Эдвард Карр в своей некогда весьма популярной «Истории Советской России», говоря о декретах Октябрьской революции, отмечает, что первые шаги новой власти были сделаны не под знаменем социализма, а под знаменем демократии.³³ Упор на демократию, впрочем, сочетался, писал Карр, с провозглашением социализма как конечной цели. Здесь не целесообразно углубляться в историческую конкретику. Она слишком хорошо известна. Историк Карр сам избегает быть автором подборной летописи событий в пределах периода, обозначенного заголовком его книги. Его интересовал проблемный анализ тех событий, которые определили характер и основные направления дальнейшего российского и мирового развития. Что ему бросилось в глаза раньше другого при оценке открытой большевистским Октября 1917 г. главы в российской и мировой истории — так это основной итог исторического рывка: «политическое развитие, казалось, обогнало экономическое развитие».³⁴ Вслед за тем на российскую повестку дня был вынесен вопрос о достижении уровня «передовых» стран.

³¹ Ср.: Бендик Р. Немецкий менталитет и происхождение двух мировых войн // Первая мировая война: Пролог XX века / В. Л. Мальков (отв. ред.). М., 1999. С. 504–513; Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Я. С. Драбкин, Н. П. Комолова (отв. ред.). М., 1996. С. 184, 185, 507 и др.

³² Меньшевики в 1917 году / З. Галили, А. Ненароков, Л. Хаимсон (ред.). Т. 2. М., 1995. С. 159–160.

³³ Kapp Э. История Советской России. Кн. 1. Тт. 1, 2: Большевистская революция: 1917–1923. М., 1990. С. 102.

³⁴ Там же. С. 113.